

нии и чтении в рукописи. Теперь слышатся всюду оживленные толки о нем, пока еще изустные, но выражающие огромную сенсацию в обществе, которую я предвидел и предсказывал. И какая роскошь, какое изящество издания. Благодарю глубоко!»³²

Вскоре, однако, Гончаров отсылает свой экземпляр романа Валуева («роскошный» и «изящный») в дар ульяновской Карамзинской библиотеке (см. письмо к А. П. Языкову от 20 мая 1882 года).³³ Это, конечно же, не позиция (Валуев об это никогда не узнает), но характерная черта, возможно снимающая обвинение великого русского писателя в «чинопочитании» и проч.

Итак, если вернуться к персонажам «Литературного вечера» и их прототипам, то (на сегодняшний день) оказывается, что это одно из самых загадочных произведений И. А. Гончарова. Чешнев—Тютчев, Бебилов—Валуев, Скудельников—Гончаров — вот, собственно, и все, о ком мы знаем. Но мы уверены, что публикация в десятом томе академического Полного собрания сочинений и писем И. А. Гончарова первоначальных редакций очерка «Литературный вечер» сподвигнет современных исследователей на новые открытия.

³² [Военский К. А.] Указ. соч. С. 63.

³³ Красный архив. М., 1923. № 2. С. 260—261. В гончаровском эпистолярии сохранилось еще несколько высказываний автора о «Литературном вечере». Так, 1 января 1880 года при посылке А. А. Толстой экземпляра «Русской речи» с текстом «Литературного вечера» Гончаров пишет: «Я боюсь только, что очерк этот покажется мало интересным. Это не роман, не повесть, а именно очерк — или то, что французы называют *pièce à propos* (произведение на случай (*фр.*) — С. Д.). Я набросал несколько сцен из нашей современной жизни, где не мог не коснуться некоторых темных ее сторон. Впрочем, я сделал это поверхностно, легко, нередко улыбаясь сам, писавши. Может быть — улыбнутся и читатели: я буду рад» (т. 8, с. 469). А 16 мая 1881 года Гончаров благосклонно отвечает В. А. Кордту на предложение перевести «Литературный вечер» на немецкий язык, ссылаясь на своего издателя Глазунова (Труды ГПБ. Л., 1963. Т. 11. С. 169—170), который вскоре дает согласие на перевод (см. письмо Гончарова к Кордту от 22 мая 1881 года; Там же. С. 170), написанное на свободном листе письма И. И. Глазунова к Гончарову от 14 мая 1881 года.

© А. Ю. БАЛАКИН

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ А. Ф. КОНИ О ГОНЧАРОВЕ

Воспоминания о Гончарове юриста и литератора Анатолия Федоровича Кони по праву считаются одними из лучших в небогатой мемуарной литературе о писателе. «Помимо высоких художественных достоинств, — утверждал А. Д. Алексеев, — исключительно тепло написанный очерк А. Ф. Кони отличается психологической глубиной и всесторонним охватом личности Гончарова как писателя и человека».¹ С этими словами нельзя не согласиться. Но все же по сравнению с другими мемуарными очерками Кони, значительными по объему и богатыми мелкими, но подчас весьма характерными деталями, его очерк о Гончарове кажется чересчур скупым.

Вероятно, так случилось из-за чрезмерной цепетильности мемуариста, боявшегося неосторожным словом повредить памяти своего старшего друга. На-

¹ Алексеев А. Д. И. А. Гончаров в воспоминаниях современников // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 12.

помним, что Гончаров в последние годы жизни страдал от болезненной мнительности и старался максимально оградить свой душевный покой и размеренный жизненный распорядок от любых вмешательств посторонних лиц. Кони знал об этой черте его характера и, может быть, поверая бумаге свои воспоминания о встречах с автором «Обломова», был поэтому особенно сдержан.

Однако в архиве Кони сохранилось немало его набросков к воспоминаниям, лекциям или статьям о Гончарове, большинство из которых дублируют друг друга или носят слишком отрывочный характер. Но среди них встречаются фрагменты, дополняющие или уточняющие то, что попало в печать. Некоторые из них заслуживают быть опубликованными.

Один подробнее рассказывает о пребывании Гончарова в Дуббельне в 1883 году; в рукописи очерка он следует за абзацем, рассказывающем о привязанности писателя к детям его покойного слуги Карла Трейгута.² Здесь после фразы «Мало-помалу их жизнь пустила в его существование крепкие, неразрывные корни» следует:

«В 1883 году в Дуббельне в разгар лета, когда он так любил и умел наслаждаться скудными дарами северной природы, он внезапно заявил мне, что должен вернуться в пыльный и душный, раскаленный Петербург, потому что нервы его экономки³ не выносят шума морского прибоя. На мое замечание, что в Рижском заливе ни о каком морском прибое и речи быть не может, а дача его находится в полуверсте от моря, и что лучше предложить ей уехать в Петербург, взявши, если хочет, и детей, результатом чего, без сомнения, будет излечение от капризной чуткости к несуществующему прибою, он грустно взглянул на меня и с дрожью в голосе сказал: „Я не могу этого сделать: а вдруг она увезет детей? Да я без Саши⁴ так затоскую, что и недели на свете не проживу”. Пришлось припомнить любимое изречение Стасюлевича: ни одно доброе дело не остается без наказания — и прибегнуть к некоторым дипломатическим приемам, чтобы обеспечить бедному старику безмятежное пребывание на любимом им морском побережье. Давно замкнувшись в своей маленькой квартире на Моховой и ограничив свой круг знакомых лишь немногими друзьями, Гончаров, не имея непосредственно-близких родственников и почти не видаясь с более отдаленными, сроднился с мыслью об обеспечении любимым им чужим детям безбедного существования, оставив все свое, нажитое литературным трудом состояние — в размере около сорока тысяч рублей — им и их матери в разных долях. Несколько лет назад в одной из больших петербургских газет появилось повествование любознательного и не в меру доверчивого репортера, из которого оказывается, что г-жа Т(рейгут) считает себя чем-то в роде вдовы знаменитого писателя, находя, что не она жила в прислугах у Гончарова, приютившего ее осиротелую семью, а он „жил в ее семье”, причем — „души в ней не чая” — был настолько нравственно близок, что подвергал ее критическому разбору свои сочинения и даже, за несколько лет до смерти ее мужа, повергал на ее суд свой „Обрыв”, читая его по возвращении из-за границы, где он был написан. Из этого же повествования пришлось узнать, что Тургенев, приезжая в Россию, каждый раз бывал (конечно, тайно для всех) у своего „благотворителя”, проживавшего под гостеприимным кровом г-жи Т(рейгут), — и что благовоспитанный и светский Григорович спрятался под стол, когда в опочивальню той же Т(рейгут) собирался войти ее жилец. Эти драгоценные для истории литературы, хотя и совершенно неправдоподобные сведения о милостивом отношении Т(рейгут) к Гончарову вызвали своевре-

² См.: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. С. 259.

³ Александра Ивановна Трейгут, вдова Карла Трейгута.

⁴ Старшая дочь К. и А. И. Трейгут, к которой Гончаров был особенно привязан.

менное опровержение со стороны М. М. Стасюлевича и моей в „Вестнике Европы”, тем не менее подобное же повествование вновь появилось на страницах той же газеты с разными добавлениями и фиоритурами. Очевидно, автор его слишком легковмерно отнесся к рассказам, идущим вразрез с воспоминаниями всех близко знавших Гончарова людей, — рассказам, в которых употребляя выражение Тургенева, „правда и не ночевала”.⁵

Вторая половина этого фрагмента с небольшими изменениями перенесена Кони из написанного им совместно с М. М. Стасюлевичем ответа⁶ на статью С. М. Шпицера «Воспоминания о И. А. Гончарове», материал для которой тот почерпнул из бесед с А. И. Трейгута.⁷ Поскольку эта статья не перепечатывалась более ста лет и ныне труднодоступна, приведем ее фрагменты, которые и вызвали возмущение Кони:

«На днях мне удалось беседовать с бывшей хозяйкой-экономкой и, вообще, очень близкой знакомой Ивана Александровича Гончарова, петербургской мещанкой-вдовой Александрой Ивановной Т—т, в семье которой в продолжение многих лет (около 30 л.) жил знаменитый русский романист.

Когда я заявил Александре Ивановне, что желал бы просить ее личных воспоминаний о покойном И. А., она сразу оживилась и начала подробно рассказывать про покойного писателя.

— Знаете, меня более всего удивляет то, что никто из писателей наших, которых и я лично знала, не был так скоро забыт, как покойный Гончаров... Ну, совсем ничего о нем не пишут, не вспоминают, и поэтому мне, очень близко знавшей И. А., уважавшей его еще с молодых лет, особенно больно это сознавать... Не знаю, разве уж И. А. не заслужил этого?.. Нет, я вам скажу, что литераторы — это очень черствый народ.

Она немного помолчала.

— Когда опустили уже в могилу прах Гончарова, то даже и тогда не нашлось ни одного из многочисленных присутствовавших здесь литераторов, кто бы произнес надгробную речь... При жизни его ценили, а после смерти забыли... (...)

— А что, Александра Ивановна, имеются ли у вас письма или какие-нибудь неизданные рукописи Гончарова?

— Нет, этого у меня нет, ничего нет. Знаю только, что И. А. незадолго перед смертью написал рассказ. Название его мне неизвестно. Он не закончил его, да и начало было необработано. Содержания его и я не знаю, потому что иногда другие свои произведения он писал под диктовку, а этот рассказ писал сам. Ив. Ал., помнится, говорил мне, что рассказ этот ему не нравится, поэтому он его оставил и не закончил, а после смерти Стасюлевич передал его для хранения в Императорскую публичную библиотеку.⁸ Потом у него еще был готовый небольшой рассказ под названием „Уха”. Я знаю его содержание. Он не вошел в полное собрание сочинений, изданное Марксом.⁹

Условие с Марксом заключала я, и когда сдавала в „Ниву” для печатания все сочинения Ив. Ал., то рассказ этот, прочитанный А. Ф. Кони и другими известными литераторами, да и, кажется, самим Марксом, был забра-

⁵ ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. Ед. хр. 50. Л. 9 об. — 10 об.

⁶ Стасюлевич М. М., Кони А. Ф. По поводу «Воспоминаний о И. А. Гончарове» // Вестник Европы. 1907. № 11. С. 435—437.

⁷ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1907. 16 окт. № 10151.

⁸ Никаких рукописей Гончарова в Публичную библиотеку Стасюлевич не передавал; в хранящемся ныне там архиве писателя нет произведений, которые можно было идентифицировать с упомянутым в рассказе А. И. Трейгута (см.: Рукописи И. А. Гончарова: Каталог / Сост. и комм. Б. И. Равкиной. Л.: Изд. ГПБ, 1940. Вып. 1. С. 20—24).

⁹ Впервые опубли.: И. А. Гончаров и И. С. Тургенев: По неизданным материалам Пушкинского Дома / С предисл. и прим. Б. М. Энгельгардта. Пб., 1923. С. 69—74.

кован вследствие своей „слабости“, ибо совсем не был похож на другие произведения Гончарова. Его так и решили не печатать. Помню, когда покойный читал мне этот рассказ, то не только ему, но и мне он очень уж не понравился. Совсем был непригодный. Я ему и сказала: „Что это вы, Ив. Ал., такую слабую вещь-то создали?..“ А он после этого и запрятал „Уху“ в свои бумаги.

...Ну, что еще?.. Лучшие свои романы Ив. Ал. писал за границей, а когда приезжал оттуда, то читал их нам. Должна вам кстати добавить, что Ив. Ал. еще тогда не оправился от первого постигшего его удара, когда писал тот неудачный рассказ, без названия который...

— А нельзя ли узнать его содержание?..

— О, нет, ничего вам не могу сказать, потому что предсмертное желание Ив. Ал. было, чтобы не печатать после его смерти неизданные и не предназначенные им к печати произведения, и чтобы уничтожена была вся его частная переписка. Он уж очень не хотел, чтобы все это сделалось достоянием общества... Конечно, это относится и к рассказу „Уха“. {...} Еще должна вам заметить, что Ив. Ал. не очень-то любил своих товарищей-литераторов. Он их чуждался и часто даже избегал. А писатели бывали у него редко. Когда Тургенев возвращался из-за границы, он постоянно навещал Ив. Ал.

Бывали у нас еще: Писемский, Салтыков, Аполлон Майков, с семьей которого он уже давно был в дружбе, Григорович и другие. С Григоровичем Ив. Ал. в последние годы своей жизни находился во враждебных отношениях и отдал мне приказание „не принимать его“... Случилась такая история. Однажды шел дождь. Григорович проходил в это время по Моховой улице без зонтика. Вспомнил он, что вблизи — квартира Гончарова.

И вот Григорович стремительно заскочил к нам.

Входит. В прихожей встречает меня.

— Ради Бога, Александра Ивановна, приютите... На дворе страшный дождь...

— Но вы знаете, что Ив. Ал. точит зуб против вас...

— Ничего, я посижу в вашей спальне.

— Ладно. — Пошли в спальню. Разговорились. Спустя некоторое время раздаются шаги Гончарова. Что тут делать?

— Прячьтесь, — взволнованно говорю Григоровичу...

— Куда? Куда?

— Да я, право, не знаю куда... Да вот хотя бы под этот стол, покрытый скатертью.

Ничего другого не оставалось делать. И вот Григорович, скорчившись, просидел под круглым столом, покамест в спальне находился Ив. Ал. Стол этот до сих пор у меня сохранился. {...}

— Часто, очень часто думаю я об Иване Александровиче, почти не проходит дня, — снова заговорила Александра Ивановна, — память о нем не может во мне никогда сгладиться. Мы были очень близки друг к другу... Около 30-ти лет мы знали, и Иван Александрович всегда в шутку то называл меня няней, то мамочкой, то хозяйкой... Мы друг в друге души не чаяли... Вот... А теперь бы я очень хотела, чтобы литературный фонд, наконец, путем печати сознал свой прямой долг... Или же, главным образом, Стасюлевич подумал бы о памятнике. Ценил же он при жизни Ивана Александровича, сдававшего ему в „Вестник Европы“ свои романы, которые сразу упрочили положение журнала. Тем более, что перед смертью Гончаров назначил его своим душеприказчиком. Такого писателя, как Иван Александрович, не забывают...

Я поблагодарил Александру Ивановну Т—т за переданные мне ее воспоминания, и она на прощание еще раз выразила надежду, что, может быть, печать напомнит литературному фонду или же г. Стасюлевичу о том, что уже давно пора поставить памятник забытому ими Ивану Александровичу...»¹⁰

Менее чем через месяц статья Шпицера была перепечатана в приложении к «Биржевым ведомостям» — журнале «Огонек».¹¹ Текст повторял газетную публикацию, и поэтому неясно, что Кони назвал «добавлениями и фиоритурами».

Следует отметить, что впоследствии Шпицер учел замечания старых друзей Гончарова, и в его брошюре об авторе «Обломова»¹² апокрифические рассказы Трейгут не вошли.

Но вернемся к воспоминаниям Кони. Об упомянутых им «дипломатических приемах» он рассказал впоследствии жене одного из первых гончароведов Е. А. Ляцкого Вере Александровне. В ее бумагах сохранились несколько листков, озаглавленных «Вопросы к Анатолию Федоровичу Кони»; два ответа были записаны тут же. Под десятым пунктом там стоит следующее:

«Привязанность Гончарова к детям г-жи Трейгульт была какая-то болезненная. Он жил заботами об этих детях, входил во все их интересы, подчинялся их капризам. См. об этом [пропуск¹³]. К словам „дипломатической хитрости“ Анатолий Федорович добавлял:

Для этого, зная, когда Иван Александрович выходит из дому, я зашел к Трейгульт.

— Ну что, Александра Ивановна, как вы себя чувствуете здесь?

— Плохо, ваше превосходительство, плохо, думаем уезжать отсюда...

— Что же так?

— Нервы совсем расстроились, не переношу морского прибоя.

— Да вы дома все сидите, вам и скучно, оттого и кажется вам, что нервы у вас расстроены. Вы бы пошли гулять, развлекли бы себя немного, вот и почувствовали бы себя лучше...

Она замахала руками.

— Нет, куда же, положение мое странное: с Иваном Александровичем неудобно, а одна — как же я пойду?

— Да вот пойдемте со мной сейчас, одевайтесь, пойдем.

Она сразу не поверила.

— Ваше превосходительство, да разве вы пойдете со мной.

— Отчего же? С удовольствием... одевайтесь.

Она быстро нацепила на себя шляпку с лентами и перьями, и мы вышли. Я предложил ей руку, и мы совершили длинную прогулку по пляжу.

¹⁰ Шпицер С. М. Воспоминания о И. А. Гончарове // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1907. 16 окт. № 10151. Стасюлевич и Кони ответили эти упреки: «Литературный фонд имеет назначением помогать нуждающимся живым, а не ставить монументы мертвым. Литераторы же по большей части — люди недостаточные, живущие тяжелым трудом, который не всех их самих освобождает от необходимости иногда обращаться к литературному фонду. Быть может, если бы беседница г. Шпицера не умолчала — вероятно, по забывчивости — о полученных ею и ее семьею по завещанию Гончарова 40.000 рубрах, то надо думать, что ему стало бы ясно, на чьей нравственной обязанности должна была лежать забота о постановке памятника на могиле человека, чей образ ныне рисуется в таких несоответствующих истине красках» (Вестник Европы. 1907. № 11. С. 437).

¹¹ Шпицер (sic!) С. Воспоминания об И. А. Гончарове // Огонек. 1907. 5 (18) нояб. № 23. С. 181—183.

¹² См.: Шпицер С. И. А. Гончаров: Опыт биографии и характеристики. СПб., 1912—1913.

¹³ Вероятно, здесь должна была следовать отсылка к воспоминаниям Кони.

Она была весела, говорила без умолку и вернулась домой в прекрасном настроении духа.

На следующий день сию дома, в Hôtel'e. Стук-стук-стук!.. Иван Александрович. Улыбается, сияет.

— Маг и волшебник, что вы сделали с Александрой Ивановной?

— Ничего особенного, прошелся с ней по пляжу, побеседовал. А что?

— Да она совсем преобразилась, и нервы поправились, и прибой не беспокоит, так что мы не собираемся уезжать из Дуббельна». ¹⁴

Здесь же записан другой рассказ Кони — о том, как он помогал Гончарову составлять завещание. Нам известно, что писатель делал это два раза: в 1879 и 1883 годах. ¹⁵ Трудно сказать, о каком именно завещании идет речь: текст первого до нас не дошел, во втором С. А. Никитенко были завещаны не пять тысяч рублей «в бумагах», а поровну ей с сестрой, Е. А. Никитенко, деньги от продажи Собрания сочинений в размере 3400 рублей. ¹⁶ Нельзя исключать, что существовало и третье завещание, текст которого до нас не дошел.

«Однажды, лет за столько-то до смерти, Иван Александрович обратился ко мне с просьбой помочь ему в составлении духовного завещания. Свое состояние он оставлял семье Трейгулт, выделив из него пять тысяч рублей в пользу С. А. Никитенко. Эти 5000 заключались в бумагах, которые Иван Александрович хотел непременно перечислить их <sic!>, отметив их №№. Я возражал и указывал, что впоследствии это может создать неудобства, т. к. банк, где они были на хранении, мог заменить одни №№ другими, и тогда при распределении наследства произойдут недоразумения. Но Гончаров убедить было трудно. Он все хотел сделать по-своему, и даже моя компетентность в составлении завещания вызывала у него сомнения.

— Нет уж, знаете, — говорил он недоверчиво, — мало ли что произойдет... Может быть, вы и правы, но я хотел бы спросить еще у кого-нибудь.

— Как хотите, — говорил я, не настаивая на своей компетенции, хотя в те годы я состоял председателем [пропуск] ¹⁷ суда, т. е. стоял во главе учреждения, разрешавшего все споры о духовных завещаниях. Проходило несколько времени. При свидании Гончаров снова заводил речь о духовном завещании, об его юридических формах, о том, чтобы применение его не вызвало никаких затруднений и споров. Я снова повторял Ивану Александровичу все разъяснения и убеждал его поступить так, как я ему много раз уже говорил: выразить свои желания по существу, а формальную сторону предоставить мне. Но Гончаров начинал качать головой и недоверчиво повторял.

— Да, конечно... вам, Анатолий Федорович, это лучше знать, а только все-таки еще бы расспросить знающих людей... Не произошло бы чего-нибудь неожиданного...

Я, наконец, рассердился и махнул рукой: „ну, делайте, как хотите"... И перестал говорить с ним о завещании.

Гончаров сделал все по-своему, перечислил №№ бумаг, и когда пришлось реализовать завещание, возник спор именно из-за этих 5.000, так что Софья Александровна отказалась от их получения». ¹⁸

В очерке Кони о Гончарове немало места уделено его отношениям с Тургеневым. Однако в рукописи этот фрагмент рассказан несколько по-иному;

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 125 об.—126 об.

¹⁵ См.: Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 442—443, 484.

¹⁶ См.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 260.

¹⁷ В 1881—1885 годах Кони был председателем гражданского департамента Санкт-Петербургской судебной палаты.

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 128—128 об., 125.

главное же — в нем приведены слова писателя, которых нет в печатном тексте воспоминаний. Судя по всему, они были сказаны во время прогулок по берегу моря в Дуббельне летом 1883 года. Именно этим летом Гончаров переживал последнюю вспышку неприязни к Тургеневу и изливал свои обиды собеседнику. Вспоминая это лето, Кони писал 12/24 июля следующего, 1884, года Стасюлевичу, что он был вынужден «ежедневно, по несколько раз, выслушивать его (...) намеки на „ужасное коварство некоторых людей, прикрытых почтенными, по-видимому, седидами — и вся жизнь которых была сцеплением лукавства и гоньбы за популярность...”» и признавался далее: «Он мне так отравил этим прошлое лето, что я дал себе слово не жить в одном месте с ним, чтобы сохранить к нему старую приязнь, которая может и не выдержать таких испытаний».¹⁹ Впрочем, в приводимом ниже фрагменте Кони вспоминает о беседе с Гончаровым без неприязни, которая, очевидно, растворилась с течением лет:

«Отношение Гончарова к Тургеневу составляло всегда предмет разнообразных догадок, предположений и пересудов со стороны знавших того и другого. Едва ли письмо Гончарова к Тургеневу (от 28 марта 1859 года), ныне напечатанное покойным Л. Н. Майковым, и исследование последнего, помещенное на страницах „Исторического вестника”,²⁰ удовлетворительно разъясняют причину перехода дружеских отношений двух знаменитых писателей в сурьозную ненависть одного и в холодное забвение со стороны другого. Вероятно, причины такого их друг к другу отношения никогда не будут выяснены с достаточной ясностью. Я старался избегать в моих беседах с Гончаровым касаться этого вопроса, хотя бы определенным намеком. Но целый ряд вспышек сдержанного гнева Гончарова на Тургенева и его собственные намеки однажды вынудили меня высказать предположение, от которого мною слышанное, что разлад и затем разрыв произошел вследствие того, что Гончаров усмотрел в Базарове „Отцов и детей” своего Марка Волохова из „Обрыва”, с образом которого, носившимся перед умственным его взором, познакомил Тургенева в начале 60-ых годов. Гончаров с грустью покачал головой и, процитировав слова Пушкина „О, люди, жалкий род, достойный слез и смеха!”, сказал мне: „Новое явление общественной жизни, выражением которого являются Базаров и мой Марк, могут одновременно останавливать на себя внимание нескольких писателей художников, но каждый из них создает по-своему.”²¹ Я пишу так, как любит Пушкинский Алеко: горестно и трудно, а женское сердце Тургенева „любит”, т. е. творит, «шутя». Мы двигаемся с различной скоростью... Не мне судить, насколько это достоинство или недостаток наших произведений. Но быть в претензии на Тургенева за его «расторопность» было бы смешно. Притом между Базаровым и моим Марком общего, в сущности, мало. Причины приписываемого нам разлада могут лежать²² гораздо глубже. Боже мой! Как определить, отчего происходит разлад между недавними друзьями?! Тут действует множество причин: и темперамент, и случайное обстоятельство, внезапно приобретающее особое значение, и раскрытое притворство, и поколебленное доверие и многое, многое другое. Так бывает иногда и в семейной жизни. Накопляются всё по-видимому мелкие случаи, а смотришь — всё раскололось и склеить

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 5—5 об. В книге «И. А. Гончаров в кругу современников: Неизданная переписка» (Псков, 1997. С. 407—410) это письмо опубликовано с ошибками и без точной даты.

²⁰ Ошибка памяти Кони: статья Л. Н. Майкова «Ссора между И. А. Гончаровым и И. С. Тургеневым в 1859—1860 годах» была напечатана в журнале «Русская старина» (1900. № 1. С. 5—23).

²¹ Первоначально: отзывается на эти явления по-своему.

²² Первоначально: лежат

нельзя! И так во всяком быту, даже там, где сила ощущений,²³ казалось бы, не особенно развита. Припомните опять Пушкина: «Но счастья нет и между вами, природы бедные сыны, и под издранными шатрами живут мучительные сны». Потом, помолчав довольно долго (мы гуляли по морскому берегу), он сказал мне: „После моей смерти найдут пакет, и в нем будет *всё*“. Припоминая этот разговор, я склонен думать, что легенда о Базарове и Марке Волохове далеко не исчерпывала собою всех оставшихся неизвестными причин недружелюбного отношения Гончарова к Тургеневу. Последнему, впрочем, по-видимому на роду было написано возбуждать по временам против себя ожесточение в собратях по перу и таланту. Стоит припомнить ссору его с Некрасовым, о котором он сам в своем чудном стихотворении в прозе „Бесах“, в которой прозрачно клокочет ненависть к литератору Кармазинову, читающему на литературном вечере свою статью под названием „*Merci*“; столкновение с ним „великого писателя земли русской“, и наконец, укоризненные строки, посвященные ему Альфонсом Додэ в его „*Trente ans de Paris*“...²⁴ Несомненно, что поводом к этому в большинстве случаев служили не какие-либо нравственные недостатки Тургенева, а то его свойство, которое могло давать ему основание, припомнив некоторые свои острословия, эпиграммы, письма, сказать про себя: „Язык мой — враг мой“. Быть может, именно это свойство и было одним из элементов, из которых сложилось враждебное отношение Гончарова. Быть может также, незлобивый и незлопаметный Тургенев, проживая постоянно за границей, не мог найти удобного случая для примирения с автором „Обломова“ и „Обрыва“... Во всяком случае из отдельных слов и намеков Гончарова было видно, что у него по отношению к Тургеневу *vivit sub pectore vulnus*...²⁵

Нет никакого сомнения, что дальнейшее изучение архива Кони, особенно его богатейшей переписки, позволит открыть нам еще немало страниц, связанных с Гончаровым.²⁶

²³ Первоначально: чувствительность

²⁴ Это перечисление в сокращенном виде вошло в окончательный текст воспоминаний; см.: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. С. 251 (текст), 301 (прим.).

²⁵ ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. Ед. хр. 50. Л. 13, 14, 16, 25; *vivit sub pectore vulnus* — живет в груди сокрытая рана (лат.) — цитата из «Энеиды» Вергилия (IV, 67; пер. С. Ошерова).

²⁶ Ранее один из фрагментов неизданных воспоминаний Кони был приведен нами в статье «Одним летом в Гунгербурге: (К творческой истории очерка И. А. Гончарова «На родине»)» (Седьмая Международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. СПб., 2011. С. 10—12).

Русская литература

№ 2

Историко-литературный журнал

2012

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Д. М. Буланин. Изборник 1076 года и споры о национальных приметах в древнейших славянских переводах	3
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. А. ГОНЧАРОВА	
А. В. Вдовин (Эстония). Два новонайденных автографа Гончарова (по материалам РГАВМФ)	31
А. Г. Гродецкая. Милитриса Кирбитьева в «Обломове», или Об органично противоречивом в поэтике Гончарова	34
К. Ю. Зубков. Лакуны учебника: роман «Обломов» в средней школе	39
В. А. Котельников. И. А. Гончаров в идеологических и общественных коллизиях 1862—1867 годов	51
Н. В. Калинина. Дантовы координаты романа «Обрыв»	67
С. Н. Гуськов. Полемика, которой не было (из истории критики романа «Обрыв»)	80
С. В. Денисенко. О прототипах и персонажах «Литературного вечера» И. А. Гончарова (из заметок комментатора к первоначальному и печатному текстам)	90
А. Ю. Балакин. Неизвестные страницы воспоминаний А. Ф. Кони о Гончарове	97

ИЗ СОБРАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Е. В. Кочнева. К истории создания мраморного бюста А. С. Шишкова	105
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

В. А. Мысляков. Писемский в истории литературных дуэлей	115
---	-----